

Глава 92. Его возлюбленный

— Я слышал, что молодой господин Хуай из префектуры Аньюань родился словно мёртвый: не плакал и не шевелился. А потом внезапно грянул гром, и на небе явилось знамение — тысяча демонов и сотня призраков. Редчайшее в наши дни тело предельного инь, — с улыбкой проговорил Фу Линцзюнь. — Вместо того чтобы тратить время на упрёки мне, почтенному Хуаю лучше бы придумать, как спрятать молодого господина Хуая.

Эти слова хлестнули Хуай Шоусиня по лицу, словно пощёчина. Он с силой прижал язык к зубам и долго не мог вымолвить ни слова.

Когда он соглашался помочь Фу Линцзюню проникнуть на Пир десяти сторон, то и сам ещё не был до конца уверен, что виновником тех давних событий действительно был Цзян Чаньюань. Позже, узнав, что тот втайне кормит сердечного демона душами простых смертных, Хуай Шоусинь первым делом подумал только: «Наконец-то поймал его за руку», — и начал про себя прикидывать, как заставить Цзян Чаньюаня самому выдать себя.

И только сегодня, когда Фу Линцзюнь без единого слова запечатал всю область Цянькунь, он впервые по-настоящему почувствовал страх.

Выходит, Фу Линцзюнь хотел использовать всех культиваторов, застрявших в области Цянькунь, как наживку, чтобы выманить Цзян Чаньюаня и заставить его раскрыться!

Пока барьер не снят, Цзян Чаньюань не сможет кормить сердечного демона душами смертных и рано или поздно непременно протянет руку к культиваторам, запертым вместе с ним в области. А природа тела его внука, Хуай Чэнъяня, была особенной. Для сердечного демона он стал бы самой лакомой добычей.

— На самом деле вы сердитесь лишь потому, что я не подумал о вас и о молодом господине Хуае, — Фу Линцзюнь лениво вертел в пальцах единственную уцелевшую на столе белую фарфоровую чашку. Его бледные пальцы сияли почти так же ослепительно, как сам фарфор. — А я подумал. У молодого господина Хуая есть такой хранитель, как вы. Как бы сильно ни оголодал Цзян Чаньюань, до него он не дотянется. Разве вам не стало спокойнее?

Руки Хуай Шоусиня едва заметно дрожали, дыхание тоже стало тяжелее.

— Кроме Чэнъяня, в области Цянькунь сейчас заперты десятки тысяч культиваторов. Откуда тебе знать, когда именно Цзян Чаньюань решит подкормить сердечного демона и кого именно пустит ему на корм?

Фу Линцзюнь моргнул.

Он и без того был до странности белокож, а распущенные чёрные волосы только сильнее

подчёркивали резкость его черт и глубину тёмных глаз. Длинные ресницы взмахнули, и в этом движении даже мелькнуло что-то невинное.

— А я и не знаю, — ответил он. — Он должен успеть сожрать нескольких. Иначе паника не разольётся как следует, верно?

Красивое лицо не делало такие слова менее отвратительными.

Хуай Шоусинь чуть не задохнулся от ярости. Будь у него борода, сейчас она наверняка встала бы дыбом.

Но Фу Линцзюнь, похоже, и этого счёл недостаточным. Он чуть приподнял брови и с улыбкой добавил:

— Ах да. В области Цянькунь не так уж много мастеров рунных формаций. Думаю, очень скоро Цзян Чаньюань сам пришлёт за мной. Вам лучше уйти пораньше, чтобы не вызвать у него подозрений.

Мастеров рунных формаций в мире и без того было немного, а уж тех, кто в этот миг случайно оказался именно в области Цянькунь, — и подавно. Но о том, что Линь Шэн — личный ученик великого мастера рунных формаций, сам он мог бы и не говорить: Е Чжэнвэнь уже давно успел раструбить об этом всем подряд. Теперь, когда главный массив области Цянькунь был повреждён, мастеров, способных его починить, непременно станут искать повсюду. Так что Фу Линцзюнь не солгал: ждать действительно оставалось недолго.

Хуай Шоусинь пришёл сюда только за тем, чтобы наглотаться злости, а выплеснуть её было не на кого. Явился тайком — и уйти мог только так же тайком.

Во дворе Е Чжэнвэнь как раз хвастался перед Хуай Чэнъинем одеждой. Хвастался и без конца спрашивал, красиво ли смотрится.

— Это уже шестой комплект, который ты примеряешь! — Хуай Чэнъинь глубоко вдохнул, подавляя желание его треснуть. — Е Чжэнвэнь, неужели в этом есть такая нужда? Ты всего лишь идёшь вручить подарок дому Хэ. Зачем так разряжаться?

Е Чжэнвэнь скривил губы:

— От тебя мне, конечно, толку никакого... Ладно, дождусь, пока брат Линь проснётся, и спрошу у него.

— У брата Линя все одежды чёрные. Что он тебе выберет? Лучше спроси молодого господина Цзяна. У него-то каждая вещь красивая, — тут Хуай Чэнъинь понизил голос и добавил: — И дорогая.

Они так и продолжали препираться, слово за слово. Хуай Шоусинь, уже успевший уйти далеко, вдруг снова появился и вернулся. Лицо у него было мрачное, будто дно закопчённого котла. Он посмотрел на Хуай Чэнъиня и сказал:

— Иди сюда.

С тех пор как Хуай Чэнъинь приехал в Шифанцзюй, он почти не видел Хуай Шоусиня. Всё-таки у старших были свои дела и разговоры, а детям оставалось заниматься своими.

— Дедушка... — отозвался он с некоторой неуверенностью.

Эти несколько дней он почти не упражнялся и только и делал, что возился с друзьями. Так что при виде мрачного лица Хуай Шоусиня сразу оробел и стал медленно подходить.

Но ожидаемого выговора не последовало.

Рука Хуай Шоусиня всё ещё слегка дрожала, когда он мягко положил её внуку на плечо.

— На эти дни оставайся рядом со мной.

— А? — Хуай Чэнъинь вздрогнул, потом кивнул. — Хорошо.

И ушёл вместе с Хуай Шоусинем.

Один лишь Е Чжэнвэнь остался наедине со своей единственной мыслью — как бы поскорее увидеть Шэн Исюэ, — и теперь менял одежду уже без единого зрителя.

Не найдя никого, кто помог бы ему выбрать наряд, он в конце концов снизил планку и отправился спрашивать совета у самого непритязательного в одежде человека из всех знакомых — у Сян Сина.

— Брат Сян Син, иди-иди, посмотри, хорошо ли на мне сидит этот халат?

Сян Син сидел во дворе на корточках и выдёргивал сорняки. Он поднял голову, скользнул взглядом по Е Чжэнвэню, потом снова уткнулся в землю и коротко ответил:

— Лысый... павлин.

Имел он в виду как раз те две длинные пряди у Е Чжэнвэня на лбу, которые сгорели в тот день на утёсе Жисы, когда тот пытался подавить превращение Цзян Тана талисманом изгнания нечисти. Они до сих пор толком не отросли.

Е Чжэнвэнь: «?»»

У этой парочки, хозяина и слуги, изо рта и правда не слетало ни одного доброго слова!

* * *

Как только Хуай Шоусинь увёл Хуай Чэнъяня, Фу Линцзюнь перевёл взгляд на задумавшегося Цзян Тана.

— О чём думаешь?

Цзян Тан облизнул губы.

— Чайник... разбился.

Только что Хуай Шоусинь в ярости так ударил по столу, что и чайник, и чашки разлетелись вдребезги. Цзян Тану как раз хотелось глотнуть воды, чтобы прийти в себя, а тут даже воды не осталось.

Похоже, Фу Линцзюнь совсем не ожидал, что тот думает именно об этом. В его глубоких глазах мелькнуло какое-то непонятное чувство, и он молча подвинул к Цзян Тану свою белую фарфоровую чашку.

На дне ещё оставалось немного остывшего чая.

Цзян Тан молча взял чашку и выпил до капли, потом причмокнул губами.

— Ты ведь слышал, что сказал Хуай Шоусинь, — Фу Линцзюнь поднялся, прошёлся по комнате с руками за спиной и остановился у окна, глядя на заросли зелёного бамбука.

Бамбук с виду был прямой и суровый, тонкий и острый, но при этом пустой внутри, с чёткими узлами, — как благородный муж: безукоризненный, сдержанный, светлый.

— Я использую целую область культиваторов как наживку. Что ты об этом думаешь?

Когда он задавал этот вопрос, спина его оставалась прямой, а ветер с улицы шевелил распущенные чёрные волосы.

Цзян Тан невольно крепче сжал чашку в руках.

Он уже давно понял: этот мир — не тот правовой мир, в котором он жил прежде. Что тут скажешь? Хотя сам он по-прежнему хранил в себе моральные представления, привитые обществом закона, и считал, что убивать нельзя, а всем лучше жить в мире...

Но он не имел права навязывать такие взгляды Фу Линцзюню.

Потому что для этого мира они были слишком наивны и слишком юношески прямолинейны. Здесь так не выживают.

Когда-то и Фу Линцзюнь был таким же чистым и простодушным юношей из знатного рода: драгоценным, но не заносчивым, светлым, словно ветер и луна, полным дерзкой юной силы. В молодые годы он держал в руках тяжёлый меч Шифо, ходил по свету, творя справедливость, истребляя зло и защищая Дао, так что врождённый высший талант префектуры Гуанлин стал самым ослепительным юным гением во всём Люхэ и в совсем ещё раннем возрасте был удостоен титула господина Юйяня.

И чем всё закончилось?

Он был уже достаточно силён — и всё равно его обманули и сломали до самого основания.

— Я... только что... услышал... твой... план, — Цзян Тан ответил очень прямо. — Да, я... правда... сначала... был... в шоке. Эти... культиваторы... мне тоже... кажутся... невинными.

— Но... кто здесь... не невинен?

— Те смертные... чьи души... сожрали... У них ведь тоже... были... свои родные... любимые... друзья.

— Только потому... что они... не могут... совершенствоваться... если их съели... они уже... не невинны?

Как и сказал сам Фу Линцзюнь, какая разница — кормить сердечного демона душами простых смертных или душами культиваторов?

Неужели из-за того, что одни могут совершенствоваться, человеческие жизни вдруг делятся на ценные и дешёвые? Чем вообще провинились смертные?

Сейчас Цзян Тана берегли слишком хорошо. Каждый день у него были еда, питьё, деньги на траты; он мог болтать с друзьями, гулять по улицам, жить тихо и мирно. Но в эту эпоху, где сильный пожирает слабого, хорошая жизнь сама по себе была удачей. Большинство культиваторов ходили по лезвию ножа.

Раньше он мог капризничать из-за всяких мелочей и дуться на Фу Линцзюня по пустякам. Но в серьёзном он не мог отрицать его. Они уже стали друг другу по-настоящему близкими людьми, и даже если в таких вещах, как отношение к убийству, их взгляды расходились, разбираться с этим можно было только потом, когда всё закончится.

Хуай Шоусинь ещё мог упрекать Фу Линцзюня за то, что тот использует культиваторов как приманку. А вот он — нет.

В конце концов, главный босс этой истории изначально был злодеем. И то, что злодей делает злодейские вещи, в общем-то, вполне естественно, разве нет?

Да и работал он с пугающей эффективностью: успевал и с ним нежничать, и одновременно повернуть столько дел. Что тут скажешь? Работоспособность у него пугающая.

Услышав это, Фу Линцзюнь обернулся. Он стоял против света, и солнечные блики вместе с тенями бамбука чуть заметно качались у него за спиной, из-за чего красивое лицо то вспыхивало светом, то уходило в полутьму.

Поймав его взгляд, Цзян Тан улыбнулся уголками губ и спросил:

— Ты ведь... нарочно... его злил?

Выражение лица Фу Линцзюня снова изменилось.

— Я видел, — хитро подмигнул Цзян Тан. — Чем сильнее... он злится... тем веселее... тебе.

Человек, которого он любил, не был злодеем до мозга костей. Цзян Тан не раз видел, как тот убивает.

Но, воспользовавшись Е Чжэнвэнем, чтобы передать весть Янь Цунси, Фу Линцзюнь не убил его, а всего лишь стёр кусок памяти, связанный с ними; когда гора-лабиринт вот-вот должна была рухнуть, он оставил защитную формацию, чтобы младшие могли спокойно укрыться внутри; когда в храме Учань бесчинствовали призрачные тени и Е Чжэнвэня с остальными утащили прочь, он тоже оставил Сян Сина, чтобы тот их спас; и даже теперь, прежде чем использовать души несправедливо погибших смертных, он ещё успевал тревожиться, не сочтёт ли Цзян Тан его методы слишком жестокими...

Цзян Тан верил: кроме этого плана, у него наверняка были и другие приготовления. Иначе, разговаривая с Хуай Шоусинем, он не вёл бы себя так невыносимо самодовольно и не подкидывал бы тому раз за разом намёки, что тело предельного инь Хуай Чэнъяня — слишком уж явная приманка, а значит, лучше бы поскорее вернуться и стеречь мальчишку как следует.

Фу Линцзюнь рассмеялся.

Его плечи мелко затряслись, и смеялся он так свободно и от души, что в искрящихся глазах будто осыпались с неба и зажглись все звёзды сразу.

Потом он тихо покачал головой.

— Я не добрый человек. Если могу использовать — использую.

— Я... знаю.

Цзян Тан тоже не был святым. Если бы перед ним поставили выбор между всем миром и Фу Линцзюнем, он, конечно, выбрал бы Фу Линцзюня.

Фу Линцзюнь долго смотрел ему в глаза — ясные и искренние, — а потом сказал:

— Причешешь меня?

Распущенные волосы, чёрные, как вороново крыло, мягко скользнули вниз, наполовину прикрыв его бледное лицо.

Цзян Тан поставил чашку, подбежал к нему, ухватился за широкие полы его одежды и потянул к столу.

Привстал на цыпочки — и всё равно не дотянулся.

— Сядь как следует.

Он указал на стоявший рядом стул.

Фу Линцзюнь послушно сел.

Тонкие пальцы вместо гребня медленно вошли в его волосы и стали понемногу разбирать спутанные ветром пряди, укладывая их назад.

— Шпильку.

Цзян Тан протянул руку, требуя у него шпильку.

Но Фу Линцзюнь вместо этого перехватил маленькую руку, только что перебиравшую его волосы, и стал неспешно разминать её в пальцах.

<http://bllate.org/book/17032/1721847>